

Не успел он опомниться, как голос старейшины Цинши прогремел, словно удар грома:

— На колени!

— Бум!

Шэнь Чжи к этому моменту уже подавил свою внутреннюю энергию, став обычным человеком, еще не достигшим стадии возведения фундамента, поэтому он никак не мог противостоять давлению мастера стадии разделения духа. Как только прозвучал приказ, его ноги сами подогнулись, и он рухнул на пол. В тот же момент он увидел, как Сон Е, ударившись коленями о жесткий пол, от боли залился слезами.

Шэнь Чжи крепко сжал зубы и поднял взгляд. Старейшина Цинши уже занес ротанговую плеть, его голос звучал холодно и отстраненно:

— Свидетельствует Зал Зеркальных Цветов: ученик Шань Ичэн Шэнь Лан за избиение соученика приговаривается к удару плетью; ученик Шань Ичэн Сон Е за бесстыдство приговаривается к удару плетью.

Шэнь Чжи медленно расширил глаза.

С каких пор в Шань Ичэн появились такие жестокие методы наказания?!

Какой ублюдок это придумал?!

— Хлесь! — свист плети рассек воздух, брызнула кровь.

Первый удар пришелся по Шэнь Чжи. Он думал, что не сдержится и закричит, но, как ни странно, когда плеть действительно опустилась, он почти не почувствовал боли. Будто привык к этому. Однако, зная о своей прошлой жизни слишком мало, он на секунду задумался: может, старейшина Цинши проявил снисходительность, видя, что они новички?

Эта мысль улетучилась, когда он увидел, как Сон Е, выплюнув кровь, потерял сознание.

Кто бы мог подумать, что этот хладнокровный зверь Цинши, закончив экзекуцию, бросит ледяное:

— Если такие дохляки, как вы, не можете выдержать даже удара, зачем вы вообще пришли в Шань Ичэн?

Шэнь Чжи: «...» Он ошибся. Надо было выбирать Фэн Игэн.

В этот момент старейшина Цинши перевел взгляд на него:

— У меня были еще варианты наказания, но раз он отключился, выбирай сам.

Шэнь Чжи вздрогнул. Еще варианты?

— Первое наказание — вымести все девятьсот девяносто девять ступеней перед Павильоном Сокровищ. Шли дожди, так что чистить их будет непросто, будь внимателен...

— Я выбираю второе, — решительно перебил его Шэнь Чжи с помрачневшим лицом. В любом случае, он скорее умрет, чем будет подметать эти чертовы ступени. Десять лет назад он их уже наскребся.

Возможно, потому что Шэнь Чжи не упал в обморок, отношение старейшины к нему стало чуть мягче. Он лишь мельком взглянул на парня, которого перебил, и продолжил:

— Дослушай. Есть и второй вариант. Завтра Бессмертный владыка Сюаньлинь отправляется в древние пещеры Яошань на истребление нечисти. Он человек простой, в мирских делах не сведущ, ему нужен расторопный ученик в сопровождение. Поэтому второе наказание — сопровождать владыку Сюаньлиня в Яошань.

Шэнь Чжи помолчал, приподняв бровь:

— Сопровождать владыку... на истребление нечисти? Старейшина, я еще не достиг возведения фундамента, боюсь, это...

Старейшина Цинши нахмурился:

— Кто сказал, что ты должен сражаться? Запомни, у тебя одна задача — следить за бытом владыки, никаких ошибок быть не должно.

— ...

Шэнь Чжи задрал голову и натянуто улыбнулся:

— Старейшина, еще не поздно отказаться?

Путь в Яошань

Когда Инь Линцзюнь вышел за пределы грозового барьера, он уже собирался накинуть капюшон плаща, но, подняв голову, увидел в конце галереи с цветущей сливой фигуру и замер.

Тот был совсем юным, лет шестнадцати-семнадцати, в лазурных одеждах ученика Шань Ичэн, и от скуки пинал камешки под ногами.

Взгляд Инь Линцзюня дрогнул, он сделал еще несколько шагов. Юноша, услышав шаги, поднял

голову, тут же склонился в поклоне и произнес:

— Владыка!

Инь Линцзюнь смотрел на него, не успев ничего сказать, как Шэнь Чжи выпалил:

— Ученик Шэнь Лан, по приказу старейшины Цинши, буду сопровождать вас в древние пещеры Яошань.

— Глупости, — Инь Линцзюнь ответил непривычно быстро, но голос оставался таким же бесстрастным. — Там опасно, как можно...

Шэнь Чжи быстро заморгал и улыбнулся:

— Владыка, кажется, вы не так поняли. Ученик отвечает лишь за ваш комфорт в пути. Как доберемся до Яошаня, я буду ждать вас у подножия горы. — Помолчав, он добавил: — Это распоряжение старейшины Цинши.

Неизвестно, показалось ли ему, но под белоснежным плащом Инь Линцзюня что-то на мгновение шевельнулось, оставив на земле тень, а затем, словно стесняясь, быстро спряталось обратно.

Шэнь Чжи медленно нахмурился, подозревая, что у него просто галлюцинации от недосыпа.

В этот момент Инь Линцзюнь зашагал вперед. Шел он быстро, и вскоре Шэнь Чжи оказался далеко позади. Опомившись, он поспешил догнать его:

— Карета ждет за воротами... Прошу прощения, владыка, я еще не умею летать на мече, поэтому...

— Ничего страшного, — небрежно ответил Инь Линцзюнь. — Я тоже не умею.

Шэнь Чжи: «...А».

Инь Линцзюнь сейчас... шутит?

Нет, он не похож на того, кто умеет шутить. Значит, он... насмехается над тем, что Шэнь Чжи не умеет летать на мече?

Прищурившись, он молча последовал за Инь Линцзюнем к воротам, молча наблюдал, как тот садится в карету, и лишь потом, небрежно усевшись на козлы, тронул лошадей.

Яошань находился в провинции Мочжоу. Они ехали несколько часов и наконец достигли цели. Еще на подходе к городским воротам Инь Линцзюнь накинул капюшон и вышел из кареты. Видя, что он собирается идти пешком, Шэнь Чжи пришлось последовать его примеру.

— Владыка, уже поздно. Может, остановимся на ночлег в постоялом дворе, а завтра отправимся в Яошань?

Капюшон Инь Линцзюня был опущен низко, скрывая пол-лица, виднелись лишь тонкие, сухие губы:

— Нечисть любит выбираться по ночам. Самое время.

Шэнь Чжи отозвался коротким «угу». Он, разумеется, знал, что ночь — лучшее время для охоты на злых духов, но раны от плети требовали ежедневной смены повязок, иначе они начинали кровоточить. Инь Линцзюнь об этом не знал, а сам Шэнь Чжи не хотел распространяться.

Они прошли еще немного, когда Инь Линцзюнь внезапно остановился:

— Я забыл. — Он чуть приподнял капюшон и посмотрел на Шэнь Чжи. Тот как раз поднял глаза и встретился с его холодным, ясным взглядом, невольно отступив на шаг.

Инь Линцзюнь не заметил его реакции, лишь указал на уличный лоток:

— В книгах пишут, что совершенствующиеся, не достигшие стадии полного отказа от пищи, чувствуют голод. Хочешь поесть?

Шэнь Чжи опешил, а потом улыбнулся:

— Ученик не голоден.

Инь Линцзюнь молча посмотрел на него:

— Тогда купи мне.

Шэнь Чжи послушно кивнул и с кошельком, выданным старейшиной Цинши, отправился покупать владыке... засахаренные ягоды на палочке.

Если спросить, почему из всего разнообразия еды он выбрал то, что совершенно не вяжется с образом Инь Линцзюня, ответ прост: он сделал это нарочно. Старейшина Цинши велел заботиться о владыке? Хорошо, он будет заботиться на свой лад. В конце концов, Инь Линцзюнь на стадии разделения духа, с голоду точно не умрет.

С хитринкой в глазах он протянул лакомство Инь Линцзюню. Тот опустил взгляд, взял прозрачную, блестящую от сахара палочку и негромко произнес:

— Опять это?

— ...Опять? — Шэнь Чжи невольно нахмурился, прощупывая почву. — Владыка пробовал их раньше?

Инь Линцзюнь кивнул:

— Да. Очень давно кто-то покупал мне их.

Когда он говорил это, его всегда застывшее выражение лица смягчилось, а глаза, казалось бы, пропитанные льдом, на мгновение наполнились теплом.

Шэнь Чжи замер на месте, не в силах пошевелиться. В этот миг его сердце словно что-то сжало, и эта горькая, щемящая боль оказалась сильнее, чем боль от ран на спине.

Он раздраженно пытался справиться с чувствами, как вдруг почувствовал сладость на кончике языка.

Шэнь Чжи: «М?»

Инь Линцзюнь смотрел на него, голос снова стал тягучим:

— Если будешь ждать у подножия, это займет много времени. Нельзя ходить голодным.

Шэнь Чжи хотелось ударить его.

Он в этой жизни больше всего ненавидел кисло-сладкое, особенно эти ягоды!

Но Инь Линцзюнь буквально затыкал ему рот сладостью, не давая ничего сказать. Этот человек, совершенно не умеющий читать атмосферу, видя, как Шэнь Чжи хмурится, добавил безапелляционно:

— Нельзя разбрасываться едой.

Шэнь Чжи подумал, что Инь Линцзюнь не только не понял его недовольства, но, возможно, ждет слов благодарности за «милость владыки».

Ладно. Он, великий Бессмертный меча сотни призраков, что только не терпел. В конце концов, дойдет до места, где потемнее, и незаметно выбросит.

Сказано — сделано, но до самого Яошаня он так ничего и не выбросил, а наоборот — почти доел. Когда он осознал, что от скуки сгрыз то, что ненавидел больше всего, оставив лишь бамбуковую палочку, Инь Линцзюнь остановился и сказал:

— Жди здесь.

Шэнь Чжи поднял голову: впереди переплетались тени деревьев, птицы с криком улетали в облака — легендарный Яошань, где «на сотню шагов можно встретить ли-яо», был прямо перед ними. Он бросил палочку, с силой наступил на нее, а затем, лениво сложив руки в приветствии, сказал:

— Будьте осторожны, владыка.

Инь Линцзюнь откинул капюшон, посмотрел на него сверху вниз, и его низкий голос прозвучал в тихих сумерках:

— Жди меня.

Шэнь Чжи изогнул губы в улыбке:

— Ученик понял.

Он послушно остался стоять на месте, не отрывая взгляда от фигуры Инь Линцзюня. Как только тот скрылся на горной тропе, улыбка Шэнь Чжи медленно угасла. У него были свои планы на эту поездку.

Не говоря уже о Мэн Ане, Лю Сяньцю отправился в Яошань по совету Цинь Цзыцзина. А Цинь Цзыцзин раньше ни за что не хотел говорить людям Шань Ичэн, зачем он забирает души, но, стоило Шэнь Чжи появиться, как он тут же все выложил. Сначала он подумал, что ученик просто испугался и проговорился. Но сейчас это казалось странным.

Странным было выражение лица Цинь Цзыцзина, когда он к нему пришел.

Там было больше удивления, чем страха.

Он думал, что Цинь Цзыцзин знает, что он придет, но тот, похоже, ожидал, что Шэнь Чжи отправится в Яошань вместе с Лю Сяньцю.

Так значит, ловушка в Яошане была расставлена для Лю Сяньцю или для него?

Этот глупый ученик, спустя десять лет, хоть слово правды-то сказал?

С помрачневшим лицом, с холодным блеском в глазах, которые в Шань Ичэн привыкли видеть лишь с притворной улыбкой, он вернулся к карете и погнал лошадей к той деревне, куда его когда-то приводил Цинь Цзыцзин. Стояла глубокая ночь, он ехал проселочными дорогами, где не было ни души, поэтому, не таясь, использовал духовную энергию, чтобы подстегнуть лошадей.

Добравшись до деревни, он спрыгнул с кареты и направился прямо к дому, где жил Цинь Цзыцзин. Дверь была заперта, вокруг появился плетень, а на двери красовалось оскалившееся божество-защитник. Шэнь Чжи не обратил на это внимания, с раздражением постучав в дверь.

Внутри слышалась возня, кто-то недовольно бормотал: «Кого там принесло в такую рань?», и дверь приоткрылась.

Увидев, кто стоит на пороге, Шэнь Чжи похолодел еще больше. Это был не Цинь Цзыцзин. Он скрестил руки на груди и спросил ледяным тоном:

— Где Цинь Цзыцзин?

Мужик, не испугавшись вида подростка, который смотрел на него так, будто готов был сожрать живьем, распахнул дверь:

— Что еще за хрень? Не знаю я никакого Цинь Цзыцзина! Ты ошибся домом! Дай человеку поспать!

Шэнь Чжи подавил гнев:

— Я говорю о том, кто здесь жил раньше. С маленькой больной девочкой. Неужели не видел?

— А? — Мужик, похоже, немного протрезвел. — Тот, что жил раньше? Конечно, ушел. Теперь этот дом мой! Проваливай! Не мешай спать... Молодежь совсем не уважает труд взрослых. — Он с грохотом захлопнул дверь.

Шэнь Чжи остался стоять перед уродливым изображением божества, захлебываясь гневом. Он думал о том, что раз история про ли-яо была ложью, то и про колокольчик, и про слезы Инь Линцзюня, способные спасти А-Ци — тоже ложь? А он, как последний дурак, появился в Сыцзинмэнь, самое опасное для него место!

— Хорошо... Ну ты даешь... Цинь Цзыцзин, отлично сработано! — Шэнь Чжи тихо рассмеялся. Смех был тихим, но уголки губ приподнялись, а лицо стало белым как бумага. Он шел и бормотал: — Хорошо, очень хорошо. Надеюсь, мы больше никогда не встретимся, иначе...

Иначе что? Шэнь Чжи стер с лица холодную усмешку. Он еще не придумал, как будет мучить Цинь Цзыцзина при встрече. Но одно знал точно: он не даст этому человеку жить спокойно!

Он безразлично зашагал обратно к карете, но, дойдя до края деревни, не увидел ее.

Шэнь Чжи приподнял бровь, быстро дошел до конца деревни, обошел ее кругом, и только тогда остановился, нахмурившись.

Что за черт?

Он точно помнил, что оставил карету у въезда в деревню. Куда она подевалась?

Больно?

Что такое «беда не приходит одна», Шэнь Чжи за две свои жизни прочувствовал впервые.

Раны на спине расползались, кровь быстро пропитала лазурную ткань. Пробежав еще немного, он все же остановился, сел на траву и начал второпях насыпать на спину лекарство из мешочка Цянькунь. Лекарь, обрабатывавший его, знал, что самому ему будет неудобно, и советовал попросить помощи у соучеников. Но после случая с Сон Е он не питал теплых чувств к остальным и не собирался заискивать перед ними.

Когда забрезжил рассвет, он, весь в крови и поте, добрался до подножия Яошаня. Утренний туман окутывал деревья. Он огляделся, никого не увидел и решил, что Инь Линцзюнь еще не спустился.

Если бы этот «простой и не разбирающийся в людях» владыка спустился и не нашел его, неизвестно, куда бы он побрел. Шэнь Чжи выдохнул и сделал еще несколько шагов, как вдруг его взгляд зацепился за знакомый белый плащ.

Плащ был слегка приподнят, полностью укрывая спящего под деревом человека.

Шэнь Чжи смотрел на этот «белый кокон» и чувствовал, как настроение портится.

Он обещал ждать Инь Линцзюня, но в итоге Инь Линцзюнь ждал его.

Он подошел, присел на корточки и без церемоний потряс его за плечо:

— Владыка? Владыка? Просыпайтесь.

Фигура под плащом пошевелилась, затем Инь Линцзюнь медленно встал:

— Вернулся?

— Да, — ответил Шэнь Чжи.

Инь Линцзюнь не стал спрашивать, где он был, а лишь посмотрел на небо, пытаясь определить время.

Он видел, как это делал Ли Хуайфэн. Но, долго глядя на яркое солнце, он просто опустил глаза:

— Пора возвращаться.

— Угу, — лениво отозвался Шэнь Чжи, не двигаясь с места. — Владыка, у меня есть плохая новость и хорошая. С какой начать?

Хорошо, что он спрашивал Инь Линцзюня — другой старейшина уже давно огрел бы его плетью. Только Инь Линцзюнь, подумав, ответил:

— С плохой.

— Владыка, кареты больше нет.

Не успел Инь Линцзюнь ответить, Шэнь Чжи добавил:

— А хорошая новость в том, что сегодня отличная погода. Если мы выдвинемся сейчас, то до темноты успеем вернуться в город и нанять новую.

— Но, — Инь Линцзюнь помолчал, не дав себя обмануть, — почему у нас нет кареты?

— ... — Шэнь Чжи криво улыбнулся. — Владыка, вы не знаете, есть люди, которые воруют чужие дорогие вещи ради наживы.

Инь Линцзюнь задумчиво кивнул, кажется, поверив. Он выглядел уставшим, видимо, плохо спал.

Они шли по дороге. Шэнь Чжи спросил:

— Владыка, охота на нечисть прошла успешно?

Инь Линцзюнь взглянул на него, но промолчал, плотно сжав губы. Шэнь Чжи привык к его медлительности и ждал ответа, но так и не дождался.

Он не помнил почти ничего об Инь Линцзюне, кроме первой и последней встречи, поэтому решил оставить любопытство при себе и притворно сложил руки:

— Ученик был нетактичен. Прошу прощения.

Инь Линцзюнь быстро покачал головой, неясно, понял он что-то или нет.

Шэнь Чжи не стал разбираться и, растягивая слова, произнес как по нотам:

— Владыке стоит позволить мне обработать рану на руке, иначе старейшина Цинши будет ругать меня за плохую заботу.

— Он будет ругать тебя? — спросил Инь Линцзюнь.

— Угу. — Шэнь Чжи достал мешочек Цянькунь и принялся искать лекарство. Вдруг он почувствовал холод на спине. Он прищурился, резко обернулся и, увидев Инь Линцзюня, настороженно спросил:

— Владыка?

— Что это? — Инь Линцзюнь смотрел на его спину.

— Пустяковая рана, я уже обработал ее, — отмахнулся Шэнь Чжи.

— Кто это сделал?

Шэнь Чжи опешил. Зачем он спрашивает? Неужели этот ледяной владыка собрался идти к Цинши разбираться?

Ха-ха, лед против камня — было бы забавно посмотреть.

В глубине души он мечтал, чтобы Инь Линцзюнь и Цинши подрались, перевернув весь Сыцзинмэнь вверх дном, хотя знал, что это невозможно. Поэтому он уклончиво ответил:

— Владыке не нужно этого знать. — Он встал, подошел к нему и, словно посыпая суп перцем, грубо насыпал порошок на белоснежную кожу. Он почувствовал, как Инь Линцзюнь вздрогнул.

Склонив голову и сдерживая насмешку, он спросил:

— Владыка?

Он думал, что все великие мастера помешаны на гордости и скорее умрут, чем признаются в боли, и уж точно будут яростно отрицать.

<http://bllate.org/book/18833/1833677>